

ГЕННАДИЙ СЕМЕНОВИЧ БАТЫГИН

1951-2003

Геннадий Семенович Батыгин ушел из жизни слишком рано, не успев осуществить многие свои замыслы. Но совершенное им в пределах недолгого земного времени поражает масштабностью. Пройдя свой жизненный путь стремительно и ярко, он оставил в социологии светлый и долгий след.

Объяснить феномен этого человека можно не только его необычайной одаренностью, но и особым умением, находясь в кругу коллег и делая общее дело, жить в собственном мире, идти своим путем. Личный труд он преобразовал в факт развития науки, сумев вместить в свой интеллектуальный опыт не только ее настоящее, но прошлое и будущее, за которые испытывал личную ответственность.

Г.С. Батыгин направлял свои усилия на то, чтобы приблизить отечественную социологию к мировому уровню. Работая ради преодоления полосы межвременья в социологическом знании, он в каком-то смысле объединял и поколения ученых. Маститые коллеги из числа «шестидесятников» считали Г.С. Батыгина «своим», не упускали возможности посоветоваться с ним, обсудить проблемы науки и общественной жизни. Он был близок и своим юным коллегам — студентам, аспирантам. К преподаванию Геннадий Семенович относился, как к священнодействию. А для подопечных занятия с ним были нескончаемым праздником приобщения к научному знанию и научной культуре. Он не только много преподавал, но и ежедневно проводил многочасовые консультации, полагая студенчество основным достоянием науки наряду с «гигантами», на плечах которых она стоит. Геннадий Семенович учил своих студентов профессионализму, то

есть навыкам научного ремесла, честности и терпению в работе, способности постигать мудрость печатного текста, мыслить и излагать свои мысли — самоотверженности в научном труде, умению не рассчитывать на скорый результат и не искать славы. Ведь настоящая, но совсем не гарантированная награда здесь — личное мастерство и развитие научного знания.

Этот высокий и строгий счет Геннадий Семенович в первую очередь предъявлял себе. Не стремясь к личным почестям, он выполнял каждодневную тяжелую работу, из которой и рождается настоящая наука. Такое слияние жизни и научной деятельности, безусловно, сродни веберовской мирской аскезе. Пользуясь заслуженным авторитетом в науке, добившись настоящего мастерства в своем профессиональном деле, Геннадий Семенович никогда не называл себя громким словом «ученый», он был вечным учеником и смиренным тружеником науки, на которых она и держится.

Мастер литературного стиля, Геннадий Семенович иногда повторял полусерьезно, что сам напишет для себя некролог. Кто же знает его лучше? С самоиронией замечал, что в его некрологе нечего будет написать, прекрасно понимая, однако, что события — это лишь внешняя оболочка человеческой жизни. И действительно, каковы факты его научной биографии? Закончил философский факультет МГУ, почти всю жизнь проработал в Институте социологии РАН. Сначала старший научно-технический сотрудник, потом младший научный сотрудник, старший научный сотрудник, ведущий научный сотрудник, главный научный сотрудник, зав. сектором социологии знания. Рутинизация повседневного научного труда, которую Геннадий Семенович называл «умеренностью и аккуратностью», была своего рода защитой, обеспечивающей возможность сосредоточиться на главном, заниматься напряженной интеллектуальной работой. Но об этом нельзя прочесть в послужном списке. В двадцать шесть лет он стал кандидатом философских наук по специальности «Прикладная социология», в тридцать шесть — доктором философских наук в области «Теории, методологии и истории социологии», а в сорок — профессором. Занимался преподаванием — в Юридической академии, Российском университете дружбы народов, Московской высшей школе социальных и экономических наук. Был членом экспертных советов научных фондов, ВАКа. Некоторое время фактически руководил журналом «Социологические исследования». Бессменно возглавлял созданный им «Социологический журнал». Геннадий Семенович не раз повторял, что его научная карьера завершилась, когда он получил ученое звание профессора и создал свой сектор: он достиг того, к чему всегда стремился — независимости, возможности самостоятельной

научной работы для себя, своих коллег и учеников, возможности помогать тем, кому считал необходимым помочь.

Несмотря на внушительный список институций, к которым он был причастен, Геннадия Семеновича с полным правом можно назвать человеком внеинституциональным. Или, наоборот, человеком-институтом, что в данном случае тождественно: где бы ни работал Г.С. Батыгин, свою работу и выполнение институциональных задач он подчинял собственному замыслу, внутреннему долгу перед отечественной социологией и коллегами по профессиональному цеху. Как подметил один из них, Геннадий Семенович создал своего рода «фабрику по производству знания». Ее структура была тщательно продумана: академическое подразделение (сектор социологии знания в Институте социологии РАН), периодическое научное издание («Социологический журнал»), «корпоративные» исследовательские проекты, научная сеть из коллег и аспирантов, методологический семинар при секторе для апробации идей и научной коммуникации; внешние, в том числе международные контакты; образовательная база — связи с кафедрами и факультетами вузов. Вся эта система работала слаженно и эффективно. Оформилась научная школа, интересы которой сконцентрированы на методологии получения и функционирования социальных знаний. Эффективность ее определяется открытостью по отношению к дисциплинам, формально лежащим вне социологии, но развивающимся под знаком проблем, входящих в фундаментальную проблематику социологического знания. Отсюда спектр интересов, включающий вопросы науковедения, языкознания, биологии, точных наук, социолингвистики, социобиологии, и естественный дух междисциплинарности в работе.

Устной коммуникации, систематизирующей и легитимирующей научное знание, Геннадий Семенович придавал значение не меньшее, чем научной публикации. Здесь нельзя не упомянуть об отношении Г.С. Батыгина к этической стороне научной деятельности. Для него чрезвычайно важным было соблюдение этикетов общения в науке, связанных со стилем аргументации и полемики, речевой манерой, внешним видом научного сотрудника. Сам он был и остается моральным авторитетом и эталоном поведения в профессиональной среде. Он не считал абстракцией мертоновские правила научного этикета, которые, по его мнению, не должны быть предметом индивидуального выбора, подобно этикетам, поскольку без их соблюдения деформируется и вырождается «регион» науки. Г.С. Батыгин не только изучал научное сообщество, но и сознательно формировал его, задавая высокие образцы научного служения. Не всем известны его многочисленные работы, в которых анализируются этические принципы профессиональной деятельности ученого.

Можно сказать, что Геннадий Семенович прожил не одну, а несколько жизней — столь качественно отличными друг от друга были этапы его интеллектуального роста, столь многими профессиями — ученого, педагога, журналиста, редактора, библиографа — он сумел блистательно овладеть.

Научные интересы Г.С. Батыгина многообразны — методология социологических исследований, теория и история социологии, науковедение, социология знания, в том числе история идей, социальная история науки, биографические исследования, лингвистический анализ социологического текста... Им опубликовано около 200 статей, несколько монографий: «Типология социальных показателей образа жизни» (1977), «Обоснование научного вывода в прикладной социологии» (1986), «Лекции по методологии социологических исследований» (1995), «Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах» (1999). Подготовлен к публикации учебник «История социологии». Под его редакцией вышел целый ряд переводов западной социологической классики — книг П. Бергера и Т. Лукмана «Приглашение в социологию», Ч. Райта Миллса «Социологическое воображение», С. Садмена, Н. Брэдберна и Н. Шварца «Как люди отвечают на вопросы» и др., готовится к печати перевод книги И. Гофмана «Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта».

Профессор Г.С. Батыгин считал задачей первостепенной важности написать историю отечественной социологии и многое сделал для этого. Работа сама по себе неблагодарная, так как не связана с решением актуальных проблем общественного развития и не может принести сиюминутных лавров исследователю. Значение исторической реконструкции определяется самой историей, в данном случае историей науки. Иными словами, нужна историческая перспектива, чтобы оценить вклад ученого, связанный с определением и научным описанием фактов и профессиональных биографий, обусловивших развитие социологического знания в тот или иной период. Важность исторического знания для Г.С. Батыгина была более чем очевидна. Как заметила одна из коллег: «Геннадий Батыгин принадлежал к тем немногим людям, которые обладают *чувством истории*, то есть не просто осознают умом важность исторического знания, но как бы физически слышат *глагол времен*». Развивая идею исторической и интеллектуальной преемственности общественной мысли дореволюционного периода и советского марксизма, Г.С. Батыгин разработал целостную историографическую концепцию, объясняющую роль социальных наук в воспроизводстве интеллектуального проекта советского и постсоветского общества. На основе архивных источников и личных воспоминаний участников он реконструировал ряд важных

эпизодов в истории советского марксизма, в частности, систематизировал биографические источники по социологии 1960-х годов. Значительным достижением стало опубликование в 1999 г. книги воспоминаний и документов по истории советской социологии, а также продолжение биографических исследований в российских общественных науках (серия публикаций «Социологического журнала» 2000-2003 гг.). В дальнейшем Геннадий Семенович предполагал вплотную заняться архивной работой, продолжая реконструкцию истории советской социологии.

Г.С. Батыгин был одной из ключевых фигур российской социологии, стремившихся преобразовать эту науку на основе теоретико-методологических принципов, определяющих сущность и границы подлинного научного знания, создать «профессиональную социологию для профессиональных социологов». Его учебник «Лекции по методологии социологического исследования» является наиболее востребованным в этой области. Однако на многочисленные просьбы переиздать ставшую раритетом книгу Геннадий Семенович отвечал, что она нуждается в основательной переработке.

Педагогическая деятельность Г.С. Батыгина была сознательно подчинена профессионализации социологического сообщества. Впервые в российской вузовской социологии он стал читать курсы библиографии, стилистики и научного редактирования, обучая студентов профессиональным навыкам чтения и письма. Сам он этими искусствами владел в совершенстве. Не вызывает сомнения, что около трех с половиной десятков кандидатов и докторов наук, выпестованных Геннадием Семеновичем, получили навыки, значительно выходящие за рамки, предусматриваемые правилами научного руководства диссертационной работой. Учиться и работать с ним рядом было невероятной удачей; в этом он, впрочем, старался не отказывать никому, особенно когда замечал в исследователе «искру божью». Геннадий Семенович никогда не имел и не искал покровителей, но сам помогал очень многим, способствуя их профессиональному росту, закреплению в сфере науки.

Литературный талант и литературный вкус, любовь к тексту, которыми обладал Геннадий Семенович, заслуживают особого описания. Его тексты удивительно прозрачны по смыслу, отличаются точностью формулировок, изысканностью стиля. Не случайно в течение почти всей профессиональной деятельности Г.С. Батыгин участвовал в издании научных журналов, в качестве автора сотрудничал с периодическими изданиями общественно-политического профиля, в разное время входил в редколлегии журналов «Вестник Российской академии наук», «Человек», «Studies of East European Thought», был членом Союза журналистов.

Геннадий Семенович придавал большое значение научным журналам, считая их «передовым краем» науки. С 1979 по 1987 годы он работал в журнале «Социологические исследования» — сначала редактором отдела, затем заместителем главного редактора. Во многом благодаря его таланту и стараниям этот журнал стал задавать эталоны социологического исследования. На его страницах появились новые имена социологов из регионов, систематически публиковались переводы зарубежных авторов, архивные тексты отечественных мыслителей. Помимо всего прочего Г.С. Батыгин обладал уникальной способностью — убеждать цензуру (в лице сотрудников ЦК и Главлита) «пропустить» заведомо «непроходной» материал; при этом он отстаивал свою точку зрения с поразительным безразличием к возможным для себя последствиям.

В 1994 г. Г.С. Батыгин основал «Социологический журнал», кредо которого сформулировал так: журнал социологов для социологов. Эта формула предполагала сочетание двух, на первый взгляд, трудно совместимых моментов: с одной стороны, безукоризненное с теоретико-методологической, методической и литературной точек зрения изложение материала, с другой — заинтересованное отношение ко всему нетривиальному, что появлялось в социологии, плюс бережное отношение к научному наследию. Те, кто сотрудничал с журналом, надолго запомнят присущие Г.С. Батыгину тонкое понимание авторского замысла, умение находить конструктивные решения неудачных сюжетов, бесконечную доброжелательность и вместе с тем неизменную принципиальность. Все это снискало журналу авторитет и признание в научном сообществе.

С началом перестройки Г.С. Батыгин одним из первых стал систематически представлять результаты социологических разработок в массовых изданиях, причем в блестящем журналистском исполнении. Его публикации имели большой общественный резонанс. Г.С. Батыгин работал обозревателем еженедельника «Неделя», печатался в «Литературной газете», «Новом мире» и других изданиях. Он привлек к сотрудничеству с «Социологическими исследованиями» многих известных журналистов и писателей, что, безусловно, обогатило социологию. Однако для самого Геннадия Семеновича работа на переднем крае публицистики стала не определяющим фактом профессиональной биографии, а возможностью «вглядеться в детали» общественной жизни и отточить профессиональное перо.

Г.С. Батыгин умел преобразовывать мир вокруг себя. Этому миру отныне будет не хватать своего существенного компонента. Потеря, которую ощутило социологическое сообщество, невосполнима. Кто сможет выполнять работу, которую выполнял он?

Геннадий Семенович спешил жить. Болезнь сердца сформировали в нем особенное отношение и к жизни, и к смерти. К последней он относился с грустной иронией; несмотря на природный оптимизм, он считал ее едва ли не частью своей повседневности. Он ушел из жизни в первый день лета, которое очень любил за тепло и солнце, возможность ездить на велосипеде и спокойные часы в библиотеке. Остались его коллеги, ученики и единомышленники. Осталась память, вобравшая в себя яркий научный талант и человеческое обаяние Геннадия Семеновича Батыгина. Остался и он сам — в людях, в своих текстах, в совокупном тексте социологической науки. Многому еще можно научиться у этого незаурядного человека: остались его опубликованные и неопубликованные работы, аудиозаписи лекций, остался его творческий заряд, обязывающий знавших его коллег и друзей продолжать его дело.

Прощайте, дорогой друг и коллега, Мастер, Учитель...